Серафима Бирман, Иван Берсенев. Анатолий Эфрос. Татьяна Пельтцер. Лев Круглый, Александр Збруев.

КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ "ЛЕНКОМА" С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КИНО, РАДИО, ГАЗЕТНОЙ ХРОНИКИ, ВОСПОМИНАНИЙ ОЧЕВИДЦЕВ И МУЗЫКИ

(Доносятся тихие звуки мандолины и песня: "Уно-уно-уно моменто". В этой песне поется о том, как купцы построили для себя клуб, а большевики его то-то — отняли.)

ОТ КУПЦОВ – РАБОЧИМ

Главный режиссер "Ленкома" Марк Захаров еще не родился, когда в августе 1927 года Московский комитет комсомола во главе с товарищем Лукиновым решает организовать Театр рабочей молодежи. Тогда никого не смущало, что в случае неудачи предприятия к жесткой аббревиатуре — ТРАМ — острряки всегда пришепеают букву "с". Но идея всеобщей мобилизации рабочих на фронт искусства поскипьке интеллигентских рефлексий и озвучена захлебывающимся голосом диктора-бодрячка.

— 600 молодых рабочих московских заводов и фабрик — участники художественной самодеятельности — пришли по путевкам комсомола сдавать экзамены на право быть актерами нового молодежного театра... 40 из них и составили его коллектив.

В камеру кинохроникеров лыбятся молодые лица в кепуськах и косынках. Сплевывают семечки. Дребезжат трамваи, перекрикивающие цокот конских копыт по московской брусчатке.

Одна из тех, кто пришел по зову комсомола в 1929 году, — Зинаида Шенникова. Сейчас ей 84. Она работает в "Ленкоме". Выходит на сцену в двух спектаклях:

— Принимали тогда только рабочих. Я закончила школу, и мне пришлось устроиться на ламповый завод. В ТРАМе нас учили движению, хор был хороший, а вот драме не учили. Мы не стремились к успеху, не говорили, что мы гениальные. Но у нас была колоссальная дружба. Все делали сами: если надо было мыть полы в театре, мы поднимали ведра и мыли сцену. Говорили в лицо руководству все, что думаем. Когда Берсенев (**Иван Берсенев — худрук Ленкома с 1938 года. — М.Р.**) сказал, что у меня заберут роль, я ему ответила: "Попробуйте. Я найду на вас управу".

Потрясающие эти неумеки из самодеятельности. Драматург Чижик, например, всю зиму и весну 1936 года просидит на шахте "Центральное Ирмино", где товарищ Стаханов ставил рекорд, и напишет пьесу "Ночь в сентябре", которую трамовцы сыграют для шахтеров. А артистка Невзорова под влиянием возбуждающих речей вообще бросит театр и уедет строить Комсомольск-на-Амуре.

(Высокий женский голос с резким тембром запевает:

Мой миленок не Стаханов,
Героиня я зато.
Я — шофер подъемных кранов,
А он просто — хрен в пальто.
Частушку подхватывает многоголосый хор.)

История № 1

Спектакль "Что тот солдат, что этот". **Ширвинчат, Дуров** и еще несколько артистов маршируют по авансцене, минуют зал. Зал умирает от хохота. Ширвинчат и Дуров "распотрошат" этих Лиз. Дуров размахивает руками, невероятно счастлив. И вдруг слышит тихий голос идущего за ним Ширвинчата: "Дуванов, что ты так замечательно играешь? Ты опусти головку-то...". Дуров посмотрел вниз и — о ужас! — на расстегнутой ширинке его брюк торчит здоровый... клок белой рубашки, которую он, перепрыгивая, вполных ях как следует не заправил.

ОТ АРТИСТОВ – НАРОДУ

В 1938 году ТРАМу дают имя Ленинского комсомола. Марк Захаров, которому к тому времени исполнилось 5 лет, и слышать не хотел ни о каком театре. Даже о таком, где к тому времени сложилась оспаривательная труппа из киноэвезд, артистов разгромленного и саморазрушившегося второго МХАТа. От высоты имен, как в горах, перехватывает дыхание — **Соловьев, Берсенев, Бирман, Гиацинтова, Вовси, Пелевин, Крючков, Серова**...

Если вдуматься, то при всем внешнем блеске Народных — это несчастные судьбы. Когда-то во МХАТе их учили делать театр, а оказалось, что они "помогают нашей партии и комсомолу воспитывать молодое поколение в духе великого советского патриотизма и помогают зрителям твердой поступью шагнуть в будущее (***Берсенев, "За коммунизм", 1941 год***". Хотя были спектакли, роли...

(Портреты благородных красивых актеров. Голос Вертинского: "Мадам, уже падают листья", не который нагло "наезжает" веселенькие "Кудряша, что ж ты не рада веселому пеню гудка".)

Из репортажа "Калининградской правды", 1951 год:

"Партия зовет нас, работников искусства, теснее держать связь с народом. И мы, актеры Театра имени Ленинского комсомола, гордимся той доверчивой, которая связывает наш коллектив с совхозом "Лесные поляны".

Владимир Коровин, создатель образа юного Владимира Ильича Ленина в спектакле и кинофильме "Семья", не может скрыть своего волнения:

— Понимаете, я волнуюсь по двум очень важным причинам. Сегодня я играю там, где бывал Владимир Ильич Ленин... Мечтаю, что когда-нибудь появится пьеса, где будет рассказано о студенческих годах Ленина, в которой мне удастся вернуться к дорогому каждому из нас образу.

На сцену поднимается Е.И.Седых, герой соцтруда, ветеран совхоза:

— Такая встреча, такой концерт — это же заряд на большую хорошую работу!

А в это самое время Марк Захаров служил рядовым артистом в театре "Эрмитаж". Не был Народным, и даже Заслуженным, но считался дисциплинированным актером, попишывал сатирические рассказы и даже поставил спектакль "Неужели вы не замечали?".

ОТ ПАРТИИ – ХУДОЖНИКУ

И вдруг в театр, где кроме замечательных артистов был полупустой зал, начали ломиться зрители, которые не стеснясь плакали на спектаклях. В 1963 году ЦК комсомола назначит сюда главным режиссером Анатолия Эфроса, который стал яркой страницей театра длиною в неполных четыре года.

По воспоминаниям современников, Эфрос никогда не носил костюмов, ходил в красивых свитерах и репетировал утром, до, во время и после спектакля. Период абсолютного счастья и самореализации у артистов. Но...

"Литературная газета" — рупор интеллигенции:

"За кого же и против кого воюет Театр им. Ленинского комсомола? Кого и как обличает? Плохо запоминаются главные герои во всех последних спектаклях... А как трудно вспомнить образ хоть одного положительного героя... Главные герои удивительно безвольны и истеричны, они чем-то даже напоминают тех "лишних людей", о которых писал Чернышевский еще 100 лет назад".

Артисты Эфроса, как хорошие пионеры, строем уходят в райком комсомола просить за него.

Артист Лев Дуров:

— Когда мы узнали, что снимают Эфроса, то все бросили заявление об уходе из театра. Это вызвало шок. Театр в буквальном смысле "пасли" черные "Волги", мы не знали, зачем, но понимали, что происходит что-то страшное. А потом нас вызвали в Моссовет, и Сизов (впоследствии он стал директором "Мосфильма") сказал: "Ребята, не боритесь. Мы знаем, что вы были у таких-то людей, вели такие-то разговоры. И вообще не болтайте лишнего по телефону".

Я тогда впервые узнал, что можно прослушать телефонные разговоры. А что мы устроили на последнем спектакле! Шел "Что тот солдат, что этот". В конце я сбросил каску на пол, растоптал ее, разорвал рубашку. Все артисты последовали за мной. За кулисами начался скандал, а зрители решили, что это просто мощный финал спектакля.

Юрий Любимов собирает на Таганке видных режиссеров. Завадский, Львов-Анохин, Плучек и срочно приезжавший из Ленинграда Товстоногов пишут письмо в защиту коллеги. В воздухе пахнет борьбой. Они идут в ЦК КПСС, где узнают, что "а с Эфросом все в порядке". Он согласился уйти в Театр на Малой Бронной. Не главным. Очередным режиссером.

(Сильная чувственная музыка Прокофьева из "Ромео и Джульетты" резко переходит на вальй минор неизвестного происхождения. Под него тянутся шесть лет ленкомовской жизни.)

ОТ ЛИЧНОСТИ – ИСТОРИИ

Пока "Ленком" с 1967 года влачил жалкое существование, Марк Захаров, однако, успел сделать несколько громких спектаклей в студенческом театре МГУ и Театре сатиры. Имел на счету два закрытых спектакля. В 1973-м — был назначен главным в театр со славным прошлым.

Драматург Григорий Горин:

— В день его назначения мы шли по Чехова, спросили: "Теперь ты главный. А слабо перевернуться через голову?" И они с моей женой начали кувыркаться по улице. Извалялись в пыли, испачкали плащи.

Таким сомнительным способом Захаров вошел в театр.

Первое собрание Марка Захарова (из воспоминаний современников):

— Я буду жестоким, но никому не позволю разрушить театр.

Он никого не выгнал, как обычно случается при смене главрежей, но запретил пить. Труппа, погрязшая в графоманстве и отдававшая устойчивым запахом пива, испытала шок.

Из первого интервью Марка Захарова ("МК", 1973 год):

— Убежден, что даже значительная, нешаблонная мысль, но выраженная в старой обветшалой форме, не найдет путь к душам зрителей... Думаем организовать молодежный ансамбль.

(Над залом поплыли звуки электрогитары.)

Чтобы избавиться от обветшалых форм, завести крамолу в виде рок-ансамбля, Захаров, как водится, "открылся" спектаклем о комсомольско-молодежной стройке Набережных Челнов "Автоград". "Откуп", между прочим, с греческим хором и прочими хитрыми штучками не ура-патриотического свойства. А после случится "Гиль".

Актриса Инна Чурикова:

— Я тогда нигде не работала. Сидела дома. За мной пришли Захаров и Экилян (**директор театра. — М.Р.**) и начали красиво рассказывать о новой постановке, о Шарле Де Костере, звать на роль, на которую, как я потом выяснила, уже была назначена актриса. Мне до сих пор перед ней неудобно.

На сцене артист странной нарухности с расщепленной в зубах кричит:

— Спасибо нашему королю за то, что он сделал в прошлом году.

— А что он сделал в прошлом году?

— Он умер.

Пауза. Пауза не в зале, а "наверху". Что делать с этими артистами? Какие-то волосатые, косматые, с гитарами... Шуты гороховые. Разве с ними опасно? Странные отношения с властью. Сажать не запрещают, Захарова не выгоняют. Косятся и ворчат. Не награждают, не выдвигают на Гос. премию. Расплата идет нервами. Никто не знает, сколько на самом деле погибло сосудов сердца.

(Под знакомый до боли голос надорванных связок — "Я тебя никогда не забуду, я тебя никогда не увижу" — мелькают лица, "синие кони", "девушки в голубом", вытягивается "диктатура совести", мучается "дядя Ваня", летит "Чайка". Снова лица. Толпа, рвущаяся в театр. "Речка — кретинка, облака — идиоты, лошади — предатели". Лишнего билетика не достать!)

Любители нафталина с серьезным выражением лица заклеймили "Ленком" в формализме, фигляестве, цирковестве, а также неглубинности, непринужденности, нетрадиционности, так и не поняв до сегодняшнего дня, что театр Захарова, может быть, единственная серьезная альтернатива традиционному театру. Впрочем, "серьезное лицо — еще не признак ума, господа. Все глупости на земле делаются именно с этим выражением лица".

И тут мы вплотную подходим к роли личности в истории — личности Марка Захарова.

Взгляд извне. Он единственный начальник в Москве, дверь в кабинет которого стеклянная, как в аквариуме. И каждый проходящий имеет возможность увидеть, что это он там занимается. Он опаздывает на репетиции ровно на 2 минуты. Артистов зовет "мастерами" и по имени-отчеству. Подтянут. Не скор, но внезапен во всем. Ироничен. Словом, может производить. Не выносит самоцитирования, и чем дальше, тем чаще рискует на сцене. У него есть то, чего почти ни у кого нет, — такого количества **молодых** звезд, имена которых знают не хуже, чем ленкомовских суперов. Лазарев, Певцов, Соколов, Раков, Чонишвили, Захарова, Мордвинова, Игнатова, Шукина... С их помощью мы попытались составить портрет воспитателя. Получилось

НАШ МАЛЕНЬКИЙ БРОДВЕЙ

САМЫЙ модный,
САМЫЙ успешный,
САМЫЙ благополучный,
САМЫЙ посещаемый,
С САМОЙ звездной труппой,
С САМЫМИ высокими ценами на билеты у спекулянтов.

ЭТО НАШ МАЛЕНЬКИЙ БРОДВЕЙ — "ЛЕНКОМ".

СЕГОДНЯ ЕМУ – 70

ГРАФ КАЛИОСТРО (ПОЧТИ ВЕРЛИБР)

Учитель, товарищ старший и судьба.
Показывает, как клоун старый молодому.
И голова той рыбы, которая не тухнет.
Отец, стесняющийся своей любви.
Он также не уверенный, но жесткий.
Великий и ужасный Уриэн Джус.
Помог он шаг мне сделать первый.
Лук для Фемиде и гимназиальной комнаты.
Он очень импозантен как мужчина.
Непроницаем, скрытен и подтянут.
Преодолел в с ним самодостаточность.
Особенно хороший он в репетиле.
Шутник и выразительные руки.
Граф Калиостро он, талант, манипулятор.
Галактика...

"Ленком". Наш маленький Бродвей. Энергичный. Молодой. Поющий. Танцующий. Пока еще начальный. Красиво летящий... С которым летим и мы, добровольно и за собственные деньги пытаясь проникнуть в другую реальность.

(Доносятся тихие звуки мандолины и песня: "Уно-уно-уно моменто". В этой песне поется про одного режиссера, который пришел в театр, и...)

Марина РАЙКИНА.

История № 2

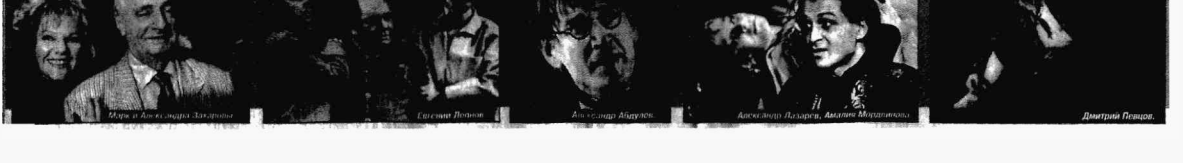
Татьяна Ивановна Пельтцер в последнее время забывала текст. И поэтому ходила с тетрадочкой, куда переписывала свои роли. И вот первый акт спектакля "Три девушки в голубом", где у нее — монолог. Татьяна Ивановна выходит и... молчит. Партнерша, как может, тянет время: изображает уборку комнаты, суетится. Татьяна Ивановна молчит. Партнерша — нервничает, но убирается. Татьяна Ивановна молчит. Партнерша на грани обморока.

— Твою мать. Все забыла, — говорит Татьяна Ивановна и уходит.

Зал взрывается аплодисментами; с ним никто так откровенно не разговаривал.

История № 3

После первого акта "Оптимистической трагедии" **Марк Захаров делает замечание Чуриковой.** Она настолько в ярости, что не слышала звонка и вышла на сцену. Артисты тянут время, разыгрывают всеми возможными и невозможными способами классовый конфликт. Очнувшись, Чурикова вылетает на сцену и не понимает, расстреляли или еще не расстреляли офицеров. Она не находит ничего лучшего, как броситься на вожака — **Евгения Леонова.** Трюет его, кричит что-то и в запале довольно сильно прихватила за волосы на груди. Евгений Павлович вскричал и тут же укусил ее. Классовые враги — комиссар и вожак банды — были квиты.



Марк и Александра Захаровы. Евгений Леонов. Александр Абдулов. Александр Лазарев, Авалиани Мордвинова. Дмитрий Певцов.

Моск. комсомолец.– 1997.– 17 сент.– с. 8.